

рического анализа, так как он вскрывает обреченность буржуазии на гибель. Монография В. Кауконена еще раз подтверждает порочность современной буржуазной науки. Наука о народном творчестве может быть выведена из туника лишь советскими фольклористами.

В. Евсеев

С. П. Толстов. *По следам древнехорезмийской цивилизации*, АН СССР, Научно-популярная серия, М.—Л., 1948, 323 стр., со многими таблицами, иллюстрациями в тексте и картой маршрутов экспедиции.

Имя С. П. Толстова — неутомимого археолога, открывшего перед нами целый новый культурный мир — древнехорезмийскую цивилизацию, видного этнографа, автора ряда важных работ по этногенезу, истории, культуре народов СССР, известно и за пределами узкого круга специалистов.

Весной 1948 г. вышла большая работа С. П. Толстова «Древний Хорезм», подводящая итоги предвоенным годам исследований в Хорезме. Этот капитальный труд, имеющий не только узкий интерес для археологов и историков Средней Азии, но и ставящий ряд важнейших общегерсторических проблем, нашел уже отражение в печати, и, несомненно, к нему не раз вернуться советские историки и археологи.¹ Советское правительство высоко оценило этот труд, присудив автору Сталинскую премию I-й степени.

Читатели «Древнего Хорезма» выражали сожаление по поводу того, что по различным обстоятельствам книга задержалась выходом и отразила лишь работу Хорезмской экспедиции в довоенные годы. Но прошло всего несколько месяцев, и мы уже располагаем новой книгой С. П. Толстова, рассказывающей и о работах Хорезмской экспедиции Академии Наук СССР за 10 лет (1937—1947) и последовательно излагающей нам историю этой интереснейшей страны в том виде, в каком она воссоздается в результате работ Хорезмской экспедиции и, прежде всего, ее бессменного начальника — С. П. Толстова.

Книга вышла в научно-популярной серии Академии Наук СССР. Нужно прямо сказать, что эта серия, созданная по инициативе Президента Академии Наук академика С. И. Вавилова, является весьма ценным начинанием. Работы, входящие в эту серию, могут быть названы научно-популярными в лучшем смысле этого слова. Так, например, рецензируемая книга не только строго научна, но и дает новый, принципиально важный исторический материал «из первых рук», в изложении самого исследователя, а не компилятора-«популяризатора». В то же время эта книга является и популярной, так как в ней увлекательно, просто и ясно изложены порой очень сложные научные построения, важные события истории народов нашей Родины.

Книга распадается на две неравные части: первая — «Путешествие в Древний Хорезм» (стр. 7—62) и вторая — «Летопись мертвых городов» (стр. 65—316). Завершается книга небольшим заключением (стр. 317—323).

Первая часть посвящена рассказу об археологическом изучении средней Азии, основных его задачах, о достижениях советских археологов (гл. I — «Страницы потерянной книги») и особо — о работах в Хорезме. Рассказ о трудах и исследованиях Хорезмской экспедиции АН СССР дан в очень живой повествовательной форме, где необходимые фактические данные — даты, названия местностей, имена — перемежаются с живо изложенными легендами каракалпаков и туркмен (гл. II — «Ворота Древнего Хорезма»), с отрывками из подлинных дневников экспедиции с красочным описанием пустынного пейзажа, живописных развалин, романтических полетов над солончаками, барханами, землями древнего орошения на маленьком, верном, неутомимом ПО-2 (гл. III — «В призрачной стране» и гл. IV — «Полет через тысячелетия»).

Читая описание работ экспедиции год за годом, нельзя не оценить по заслугам широкий размах работ, хорошую организацию, позволившую Хорезмской экспедиции в краткий срок — за семь полевых сезонов — обследовать сотни памятников — от неолита до XVII в., произвести ряд стационарных раскопок большого масштаба и обобщить огромный накопленный материал. Нужно особо отметить умелое сочетание впервые примененных в таких масштабах авиаразведок с разведкой наземной и тщательным и скрупулезным изучением отдельных решающих памятников. Здесь нет необходимости перечислять последовательно этапы работ экспедиции — от первых разведок 1937 г. на «землях древнего орошения» между Гульдурсуном и Султан-Уиздагскими горами и до интенсивных раскопок последних лет «трехбашенного замка» Топрак-кала, давшего изумительные памятники хорезмийского искусства III в. н. э., и широких авиаразведок за пределами Хорезмского оазиса на Усть-Урте, на Узбое, в междуречье Аму-Дарья — Сыр-Дарья. Достаточно будет сказать, что первые четыре главы вводят читателя в круг изучаемых вопросов, знакомят с памятни-

¹ См. рецензию А. Ю. Якубовского в газ. «Культура и жизнь» от 30.XI.1948 г., рецензии акад. В. В. Струве в «Вестнике древней истории», А. Н. Бернштама в журн. «Изв. АН СССР, Серия истории и философии», М. М. Дьяконова в журн. «Вопросы истории».

ками, детальный разбор которых будет дан в последующих главах, со спецификой сложной и увлекательной работы археолога в трудных условиях пустыни.

Основной частью книги является, бесспорно, часть вторая, где с большим искусством, на фоне последовательного изложения истории Хорезма автор дает подробное научное описание важнейших памятников, предлагая свою интерпретацию как археологических материалов, так и данных письменных источников, порой давая весьма широкие обобщения, далеко выходящие за пределы истории Хорезма да и всей Средней Азии. Глава V, носящая название «Эра Сиавуша», начинается с воссоздания картины жизни человека в низовьях Аму-Дарьи в глубокой древности. Здесь С. П. Толстов опирается на открытые им культуры, относящиеся к неолиту, бронзовому и раннему железному веку. На примере неолитической кельтеминарской культуры (стоянка Джанбас-4) С. П. Толстов убедительно показывает, что этнические и культурные связи древних насельников Хорезма (IV—III тысячелетия до н. э.) «...ведут нас, вопреки традиционным представлениям об этнической стороне древнейшей истории Средней Азии, не на юг, а на север — в Казахстан, Сибирь и северо-восточную Европу» (стр. 71).

Очень важным является установление С. П. Толстовым для Хорезма роли «...посредствующего звена между миром древних цивилизаций Среднего Востока и отдаленным гиперборейским севером, которая так ярко выступает впоследствии» (стр. 72). С. П. Толстов хорошо восстанавливает уровень общественного развития кельтеминарцев — оседлых охотников и рыболовов, живущих родовыми общинами. Естественно, что для столь ранней стадии развития общества мы не можем установить этническую принадлежность древних обитателей Хорезма. Это утверждает и сам автор на стр. 72, однако далее (стр. 73—74) он излагает, правда, с большими оговорками (стр. 74), теорию о возможной роли кельтеминарцев как посредствующего звена между этническими группами, говорившими, с одной стороны, на угорских языках, а с другой стороны, — на языках мунда и дравидских. От изложения этой теории, которая требует еще дальнейшей разработки и серьезного обоснования в специальной работе, можно было бы воздержаться в сводной работе того типа, как разбираемая нами книга, тем более, что автор больше уже не возвращается к этой теории.

Весьма интересна рисуемая С. П. Толстовым картина дальнейшего развития человеческого общества на территории Хорезма: он сопоставляет две обнаруженные им культуры бронзового века, существующие в Хорезме в течение II тысячелетия до н. э., — тазабагыябскую и суярганскую. Если первая из них, характеризующаяся микролитидным инвентарем и, повидимому, уже скотоводством (возникающим еще на предшествующей стадии) и мотыжным земледелием, является естественным развитием кельтеминарской культуры, то вторая указывает на несомненные южные связи (Анау) и говорит, вероятно, о проникновении к середине II тысячелетия до н. э. в Хорезм какого-то нового этнического элемента. С. П. Толстов склонен считать этот новый этнический элемент племенами восточной ветви народов яфетической системы языков (стр. 78—79).

Далее С. П. Толстов делает попытку этимологизации слова Хорезм, как Харри + зем «земля (страна) народа Хварри, или Харри», связывая этих «харри» с переднеазиатскими хурритами. Нужно сказать, что эти сопоставления весьма гипотетичны, равно как и сопоставления хеттов с массагетами. Автор и сам чувствует это, говоря, что «...очень трудно сказать здесь что-нибудь определенное» (стр. 81). Может быть и здесь, как и в вопросе о угорско-дравидских связях, следовало бы в книжке такого типа проявить большую осторожность.

Гораздо более убедительными кажутся нам приводимые С. П. Толстовым сообщения по поводу, как он говорит, «третьего этапа хорезмийского этногенеза» (стр. 86 и сл.), связанного с появлением на исторической арене племен, говоривших на индоевропейских языках (для Хорезма — рубеж II и I тысячелетий до н. э.). С. П. Толстов считает, что на территории Хорезма сталкивались три обширные области древних индоевропейских племен: индоиранская, фрако-киммерийская и сакская причем, добавим мы, преобладающим элементом в дальнейшем этногенезе народов Средней Азии, несомненно, оказался элемент сакский.

С. П. Толстов приурочивает к этому этапу древнейший цикл легенд Авесты, связанный с Сиавушем и Кей-Хосровом и ставит знак равенства между легендарной страной древнеиранских преданий Айрьянем-вэджо и Хорезмом. В этой связи он рассматривает и сохраненное нам хорезмийским средневековым ученым Бируни предание о приходе в Хорезм божественного героя Сиавуша и начало летоисчисления, падающего на XIII в. до нашей эры.

Археологически эта эпоха представлена пока еще очень слабо. К началу I тысячелетия С. П. Толстов относит смену суярганской культуры амирабадской, относящейся уже ко времени раннего железа. Автор считает, что здесь мы уже имеем дело «с далеко зашедшим бытовым обособлением парных семей, еще живущих под общей кровлей, но уже не объединенных общим очагом, место которого занимают устойчивые, вытянутые в одну линию семейные очаги» (стр. 89—90, описание жилищца стоянки Джанбас-7).

Важным моментом, отмеченным С. П. Толстовым, является отсутствие на этой стадии заметного развития ирригации, столь характерной для дальнейших периодов истории развития общества в Хорезме.

Пожалуй, наибольшей заслугой С. П. Толстова перед отечественной наукой является открытие памятников античного Хорезма. С. П. Толстов сумел на огромном добытом им материале доказать существование в Средней Азии рабовладельческого общества и яркими штрихами воссоздать облик богатейшей культуры этой большой эпохи. Следующая глава и посвящена этой теме. Глава VI — «Священная Кангха» — открывается блестящим анализом так называемых «городищ с жилыми стенами» (Калалы-гыр № 1 и Кюзели-гыр).

С. П. Толстов доказывает, что эти городища являлись «поселениями рода или группы родов» (стр. 95), и удачно сопоставляет общество времени «городищ с жилыми стенами» с обществом, рисуемым нам древнейшими пластами Авесты. В этой же связи С. П. Толстовым весьма удачно привлекается известный рассказ Страбона о массагетах (XI, I, 6—7), заимствованный им, как предполагают, у Гекатея Милетского.

Ко времени «городищ с жилыми стенами» (т. е. к VIII—VI вв. до н. э.) относится создание основной ирригационной сети древнего Хорезма. С. П. Толстов полагает, что для этого необходимо: «...наличие сильной централизованной государственной власти и широкого применения подневольного труда, которым, в обстановке исследуемой эпохи, мог быть только труд военнопленных рабов» (стр. 103).

На основании этих соображений С. П. Толстов приходит к выводу о правильности гипотезы Маркварта о существовании в Хорезме в доахеменидское время могущественного государства. С. П. Толстов рисует это государство как сильное рабовладельческое, «сочетающееся, однако, с продолжающей функционировать и даже сохраняющей родовые и матриархальные традиции общиной» (стр. 103).

Очень интересны и заслуживают всяческого внимания попытки локализовать основные племена, входившие в массагетскую конфедерацию (хорасми, айасиаки, сакараваки, дербики, тохары, асии и аттасии). Так, мне думается, что, помимо хорасмиев, локализация которых была ясна и ранее, можно теперь считать установленной локализацию для середины I тысячелетия до н. э. сакараваков, асиев и, возможно, тохаров. Для окончательного решения вопроса о тохарах необходимо провести широкие раскопки на Джеты-асаре, памятниках, открытых Хорезмской экспедицией в 1946 г. в районе Куван-Дары — древнего южного протока Сыр-Дары.

Дав анализ событий истории Хорезма в VI—IV вв. до н. э. и взаимоотношений Хорезма с державой Ахеменидов и Александром Македонским (стр. 105—111), С. П. Толстов переходит к описанию ряда замечательных памятников времени расцвета древнехорезмийской цивилизации (IV в. до н. э.—I в. н. э.), когда Хорезм, по словам автора, представлял собой «...могущественное государство, освободившееся от ахеменидского ига и занимающее выдающееся место на политической карте Средней Азии» (стр. 113).

Весьма важным в историческом отношении является прослеживаемый С. П. Толстовым для этого времени тип поселения. Это «...с одной стороны — город со сплошной внутренней застройкой, а с другой — отдельно стоящий дом — массив, выступающий как основная форма сельского поселения» (стр. 114).

Интересно сделанное С. П. Толстовым наблюдение, что в городах (Джанбаскала, Топрак-кала) отмечается двулучное деление застройки: в первом случае мы имеем всего два больших жилых массива, а во втором случае городская застройка разрезана главной улицей, по сторонам которой стоят по четыре дома-массива. Как известно, С. П. Толстов уже неоднократно выступал в печати с теорией, повторяемой им и в рецензируемой книге (стр. 115—116), о том, что такой тип застройки отражает фратриальное деление племени... Если с этой частью гипотезы С. П. Толстова можно было бы согласиться, хотя и она вызывает серьезные возражения, то вряд ли убедительной может показаться вторая часть этой гипотезы (стр. 116), где автор стремится этой же дуальной организацией племени объяснить и дуализм зороастрийской религии.

Четко проводимый дуализм в зороастризме окончательно складывается уже в позднее время, когда зороастризм превращается в догматическую «имперскую» религию. Ранние иранские культы, легшие затем в основу религии зороастризма и известные нам по ахеменидскому времени, не несут на себе черт этого дуализма. Вряд ли можно проследить такой строго проводимый дуализм и в древнейших частях Авесты.

Весьма ценными являются страницы, посвященные анализу памятников материальной культуры, относящихся к этому периоду. Благодаря интерпретации этих памятников мы по-новому смогли взглянуть теперь и на ряд материалов, добытых в других местах Средней Азии, Афганистана и северной Индии. Анализ этих памятников, данных С. П. Толстовым, поможет советским исследователям правильно решить ряд кардинальных вопросов, связанных с античной эпохой в истории ряда народов, ныне населяющих Среднюю Азию. Отмечу здесь, что передовые европейские ученые начинают все больше и больше прислушиваться к голосу советских исследователей и, в частности, хронологические схемы и определение памятников, даваемые С. П. Толстовым, все чаще и чаще применяются как руководящие европейскими учеными. Правда, эти ученые ограничиваются лишь признанием этих достижений советской науки, оставляя без внимания (за некоторыми счастливыми исключениями) самое главное, а именно социальный анализ археологических памятников, используемых как необходимое звено в цепи построений, воссоздающих жизнь человеческого общества прошлого.

Большой экскурс, посвященный тохарам и введенный автором в изложение в связи с анализом памятников Джесты-асарской группы (стр. 123—140), уже упоминавшихся нами выше, содержит еще очень много спорного. Для окончательного решения ряда затронутых там вопросов необходима еще большая работа.

Заканчивается глава изложением событий политической и культурной истории Хорезма и прилегающих областей Средней Азии в III в. до н. э.—III в. н. э., кангюйского и кушанского периодов, по терминологии С. П. Толстова.

Не имея возможности подробно останавливаться в краткой рецензии на эти интересные страницы, я позволю себе лишь затронуть здесь некоторые вопросы, которые мне кажутся спорными.

Нельзя, как мне кажется, целиком согласиться с идентификацией Кангхи-Кангюя с Хорезмом. Сам автор (стр. 145) пишет: «Возможно, Кангха — несколько более широкое понятие, чем Хорезм», однако в дальнейшем уже безоговорочно признает Кангху Хорезмом.

Другой, менее существенный момент касается серии «загадочных» монет Герая, широко распространенных по всей Средней Азии, но чеканившихся, очевидно, в Бактрии. По поводу этих монет существует целая литература, причем лучшей из работ, посвященных этой теме, является работа советского нумизмата, покойного А. Н. Зографа².

Многие исследователи считают Герая кушанским князем, предшественником кушанской династии Кузулы Кадфиза, правившим в Бактрии. В науке установлено, что чекан Герая восходит к чекану греко-бактрийского царя Евкратида, но не непосредственно, а через какие-то, до сих пор бывшие неизвестными, посредствующие звенья. С. П. Толстов предполагает, что Герай был «вассалом кангюйского царя» на том только основании, что найденная в 1940 г. на Топрак-кале монета «безымянного царя», которого С. П. Толстов считает царем Кангюя, также подражает чекану Евкратида. С. П. Толстов утверждает, что «...так как монеты из Топрак-калы значительно ближе к общему прототипу, есть все основания предполагать, что чеканка Герая является имитацией не непосредственно чеканки Евкратида, а хорезмско-кангюйской чеканки I в. до н. э.» Разумеется, С. П. Толстов прав, когда он говорит, что чекан Герая не восходит непосредственно к чекану Евкратида. Однако посредствующим звеном между этими чеканами, несомненно, служит не чекан «безымянного царя», а варварский «евкратидовский» чекан Бактрии II—I вв. до н. э.³ Таким образом, и чекан «безымянного царя» и чекан Герая восходят к чекану Евкратида через посредство промежуточных звеньев, но не зависят один от другого, так что нет никаких оснований считать Герая вассалом «безымянного царя».

Можно было бы остановиться еще на некоторых разногласиях между автором и рецензентом, но они могут иметь интерес лишь в кругу узких специалистов. Гораздо важнее отметить очень ценную попытку анализа внутренней социально-экономической истории Кушанской империи, данную С. П. Толстовым на основе изучения жилого строительства кушанского времени (стр. 159—160). Автор весьма убедительно показывает, как распадается традиционная родовая община, как из нее выделяется немногочисленная, но могущественная землевладельческая аристократия. Очень важно и другое явление, тонко подмеченное автором: «Суверенитет городской общины уступает место имперскому суверенитету: уже не укрепленные, полунезависимые города, а воздвигнутые центральным правительством и занятые гарнизонами постоянной армии империи крепости охраняют границы оазиса от степных племен враждебных государств» (стр. 159).

В конце этой главы С. П. Толстов, говоря об упадке кушанского могущества, приводит в качестве одного из документов возрождающейся самостоятельности Хорезма первые монеты с хорезмийскими легендами, относящиеся к рубежу II и III вв. н. э. Это — древнейшие из дошедших до нас памятников хорезмийской письменности. Как известно, в сезоне 1948 г. С. Ю. Толстов обнаружил при раскопках замка Топрак-кала целый ряд ценнейших документов на древнехорезмийском языке, что несомненно, открывает новую страницу в изучении языков, культуры и истории народов Средней Азии.

Раскопки замка Топрак-кала, относящегося к III в. н. э., вообще дали исключительный материал для понимания культуры и искусства Хорезма и не только одного Хорезма. Этим раскопкам и посвящена глава VII — «Сокровищница трех башенного замка».

Эта глава читается с захватывающим интересом. Перед читателем встает замок — резиденция хорезмского царя, огромное здание своеобразной сырцово-архитектуры с множеством помещений, украшенных монументальной скульптурой живописью. Открытие этих памятников хорезмского искусства является одним из

² А. Н. Зограф, Монеты «Герая», Ташкент, 1937.

³ Ср. A. Cunningham, Numismatic Chronicle, 3-rd Series, vol. IX, 1889, plate XII № 8. Подобные же оболы были найдены автором этих строк во время раскопок могильника на урочище Туп-хона Гиссарского района Сталинабадской области Таджикской ССР. Подробнее о могильнике Туп-хона и проблемах, выдвигаемых раскопками этого памятника, см. «Труды Таджикско-Советской археологической экспедиции», т. I (печатается).

самых блестящих результатов плодотворной деятельности Хорезмской экспедиции. И скульптура и живопись, хотя и несут на себе некоторые черты сходства с искусством соседних стран — Согда, Восточного Туркестана и Северного Причерноморья, столь своеобразны и самобытны, что заставляют в полный голос заговорить о значительности и величии культуры народов Средней Азии и окончательно разбивают вредную теорию о том, что Средняя Азия была окраиной, периферией, «филиалом» Ирана.

Открытые С. П. Толстовым монументальная скульптура и живопись III в. переключаются со скульптурой и живописью дворца Бухар-худата в Варахаше, открытого В. А. Шишкиным и с полным основанием относимого С. П. Толстовым к V в. (стр. 217), а теперь и с росписями храмов древнего Пянджикента, открытыми А. Ю. Якубовским в 1948 г. (VII в.). Мы можем теперь с уверенностью сказать, что в скором времени сумеем составить себе ясное представление о монументальном изобразительном искусстве народов Средней Азии в дофеодалное время. Еще десять лет назад эта огромная область культуры народов Средней Азии была нам вовсе неизвестна.

Глава VIII — «Эра Африга» — посвящена малоисследованному, бурному периоду кризиса и распада рабовладельческого общества Средней Азии — IV—VIII вв. н. э. В этот период внутри среднеазиатского общества вызревает новый феодальный уклад, которому в IX—X вв. суждено было одержать решительную победу и стать господствующим. С. П. Толстов шаг за шагом прослеживает эти перемены, опираясь, прежде всего, на материалы своих исследований над изменениями в типе жилищ поселений, в распространении и характере ирригационной системы. Но в сочетании с данными археологии С. П. Толстов искусно использует и скудные письменные свидетельства, рисуя широкую картину, убедительную в своих основных чертах, но не свободную от некоторых увлечений.

Завоеванию Хорезма арабами и раннефеодалному периоду посвящена глава IX — «Мятеж Хурзада». Весьма убедительной и хорошо объясняющей важные политические и социальные сдвиги этого времени является интерпретация С. П. Толстовым мятежа Хурзада в Хорезме, как своеобразного «антифеодалного движения маздакитского типа» (стр. 224). Мне кажется, что С. П. Толстов совершенно правильно объясняет рассказы об «общности жен» у маздакитов и соответствующие мероприятия Хурзада как стремление общины вернуться к древним формам группового брака и уничтожить гаремы аристократии. Он отвергает не только реакционные объяснения этих важнейших явлений, даваемые такими учеными, как датчанин Артур Кристенсен, но и стыдливый отказ от анализа этих фактов ссылкой на то, что до нас не дошло изложение этих событий лишь из уст врагов маздакитов и подобные рассказы объясняются лишь клеветой⁴.

Чрезвычайно интересной является гипотеза о политическом объединении на короткий срок в VIII в. Хорезма с Хазарией, однако этот вопрос еще требует специальной доработки и дополнительной аргументации, чтобы быть окончательно решенным.

Глава X — «Время Бируни» и XI — «Величие и падение Хорезма» — доводят рассказ о судьбах Хорезма до монгольского завоевания.

В главе X особенно важны страницы, посвященные развитию феодального города, обусловленного расцветом городской ремесленной промышленности. С. П. Толстов, разбирая этот существенный момент социальной истории Средней Азии, вносит ряд поправок в принятую в советской науке теорию Бартольда — Якубовского о развитии среднеазиатского средневекового города (стр. 240). Наряду с «классическим» делением города на арк, шахристан и ремесленные предместья — рабады — существовало и иное членение города и, как показывает Толстов, далеко не всегда победа феодального способа производства ведет к запустению шахристана и переходу основной жизни города в рабады.

Далее С. П. Толстов дает широкую картину экономических связей Хорезма с соседними странами и особенно с Восточной Европой.

Совершенно новыми и по привлекаемому материалу и по его трактовке являются страницы, посвященные огузам и их городам (стр. 244 и сл.).

Совершенно ново освещение, даваемое С. П. Толстовым событиям конца X в. в Восточной Европе (стр. 252 и сл.) и роли в этих событиях славян, булгаров, хазар, огузов и Хорезма, требует, конечно, специального разбора со стороны историков Древней Руси; рецензент не считает себя достаточно компетентным в этом вопросе. Во всяком случае в этом построении еще очень много гипотетического, требующего дальнейшей проверки и уточнения.

В связи с работами Хорезмской экспедиции на юго-восточном Устюрте над памятниками раннего средневековья стоит открытие большой караванной дороги,

⁴ См. A. Christensen, *l'Iran sous les Sassanides*, стр. 339—340; Ю. А. Солодухо, Движение Маздака и восстание еврейского населения Ирака в первой половине VI века н. э., ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 136. Взгляды рецензента на этот вопрос отражены в его статье «Древний Иран (авторферат)», «Вопросы истории», № 1, 1946.

шедшей вдоль западного берега Аральского моря из Хорезма в Восточную Европу и оборудованной прекрасными каменными караван-сараями и выложенными камнем колодцами.

Один из таких караван-сараяев, а именно Белеули, представляет собой совершенно исключительный в своем роде памятник архитектуры XI в., заслуживающий специального изучения.

Глава XI посвящена сложению, краткому расцвету и катастрофической гибели государства хорезмшахов XII—XIII вв. В этой главе особый интерес представляет раздел, посвященный социальной структуре этого государства и его культуре, построенный целиком на материалах, добытых экспедицией. Заканчивается глава описанием монгольского нашествия и гибели государства хорезмшахов.

Последняя глава — XII — называется «Тайна Узбоя» и посвящена важной проблеме, над разрешением которой наука билась уже несколько десятилетий.

Согласно преданиям, сохранным нам разными авторами, Аму-Дарья дважды в исторические времена владела в Каспийское море, а не в Аральское, как обычно.

И если к рассказам о первом из этих двух отклонений Аму-Дарьи наука относится скептически, считая это легендой, то второе, произошедшее, якобы не так давно — в XIII в., причем в свое нынешнее русло Аму-Дарья вернулась в конце XVI в., многие историки, в том числе и В. В. Бартольд, склонны были признать реальным.

Однако географы и геологи, обследовавшие Сарыкамышскую впадину и Узбой (предполагаемое старое русло отклонившейся Аму-Дарьи) склонялись к тому выводу, что нет никаких оснований утверждать, что Узбой мог когда бы то ни было быть руслом Аму-Дарьи.

Авиаразведка в сочетании с наземными обследованиями, проведенная Хорезмской экспедицией в 1947 г., подтвердила правоту географов и геологов.

Теперь благодаря трудам С. П. Толстова можно с уверенностью утверждать, что в связи с разрушением ирригационной системы нижней Аму-Дарьи во время монгольского завоевания излишек вод пошел по одному из протоков — Дарьялык — в Сарыкамышское озеро, но не далее. Хорезмская экспедиция обнаружила вдоль Дарьялыка и по берегам Сарыкамышской впадины следы довольно интенсивной земледельческой деятельности и городской жизни XIV—XVI вв., но на Узбое — только следы пашен полукочевых туркмен. Обнаруженные Хорезмской экспедицией развалины довольно крупных городов — Вазира, Терсека, Янгишехра (Адака), углубленное изучение которых началось в 1948 г., дадут нам представление о совершенно неизвестной доселе городской культуре этой западной окраины Хорезма в позднесредневековое время. Насколько нам известно, раскопки 1948 г. на городище Шемаха-кала уже дали важные в научном отношении результаты.

Проблемы Узбоя, как правильно отмечает С. П. Толстов (стр. 308), «...должны уйти из ведения историков и остаться сферой географов, геологов и археологов-первобытников».

Необходимо, заканчивая обзор этой книги, отметить ее хорошее оформление: отличная четкая печать, прекрасно выполненные фотографии и штриховые рисунки, наглядные карты, яркие и соответствующие натуре цвета таблиц росписей. Нужно только пожалеть, что на большинстве таблиц не указан масштаб изображенных архитектурных сооружений и предметов материальной культуры.

В заключение можно привести слова самого автора (стр. 317):

«Летопись мертвых городов древнего и средневекового Хорезма еще пестрит пробелами, полна нерасшифрованных страниц. Но пусть несовершенная, она все же существует, и мы ее прочли».

«Вещи еще раз сказали свое слово там, где молчат письмена».

«Три большие эпохи истории Хорезма прошли перед нами, в том числе две, о которых десять лет назад не было известно ничего, или почти ничего. Историческая картина третьей, хотя и достаточно щедро освещенная письменными памятниками, обогатилась новыми деталями, позволяющими углубиться в смысл событий, глубже понять сокровенные тайны внутренних процессов развития общества, скрывающихся за калейдоскопом дат и имен, мелькающих на страницах хроник, и за казуистической терминологией юридических документов».

Мы можем сказать больше: С. П. Толстову удалось дать увлекательную картину огромной и разнообразной деятельности Хорезмской экспедиции, показать в ярких образах важнейшие этапы истории столь любимого им Хорезма. Ему удалось не только собрать грандиозный археологический материал, но и заставить его заговорить, рассказать о таких сторонах социальной жизни давно ушедших народов, о каких мы раньше и не мечтали узнать.

Выводы, сделанные С. П. Толстовым, важны не только для истории Хорезма, пусть заметной, но все же небольшой части территории нашей великой Родины. Выводы и открытия С. П. Толстова имеют первостепенное теоретическое значение, обогащая наши сведения о закономерностях развития рабовладельческого общества в условиях искусственного орошения и соседства кочевой степи, о переходе общества от рабовладельческой формации к феодализму, о роли и значении пережитков общинно-родового быта в условиях восточных обществ и помогая решению многих других вопросов.

Особенно же важны труды С. П. Толстова для историков и археологов, работающих

над историей народов Средней Азии. За последние годы работа археологов в среднеазиатских республиках особенно оживилась. Их трудами за последние 10—15 лет открыт нам совершенно новый мир древних культур народов Средней Азии, культур самобытных, богатых, сыгравших немалую роль в истории человечества. Работы Хорезмской экспедиции — не единичное явление. Сейчас почти все республики Средней Азии охвачены исследованиями, которые ведут большие археологические экспедиции, ставящие перед собой принципиально важные, серьезные проблемы истории народов Средней Азии. Среди них хорезмская, — пожалуй, сейчас самая большая по размаху работ, — занимает почетное место, но рядом с С. П. Толстовым работают в Южной Туркмении М. Е. Массон, в Узбекистане — Я. Г. Гулямов и В. А. Шишкин, в Казахстане и Киргизии — А. Х. Маргулан и А. Н. Бернштам, в Таджикистане — А. Ю. Якубовский. Год за годом стираются белые пятна с археологической карты, все яснее читается «летопись мертвых городов», все в большем блеске встает перед нами культура народов, населяющих наши среднеазиатские республики.

М. Дьяконов

А. А. Попов, *Нганасаны*, вып. I, Материальная культура, АН СССР. Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Новая серия, т. III, М.—Л., 1948, 122 стр. + 36 табл. иллюстраций.

Рецензируемая книга составляет часть большого труда известного советского этнографа, специалиста по народам северной Сибири. А. А. Попов изучал нганасан в течение нескольких лет: в первый раз в 1930—1932 гг., попутно с изучением долган, и второй раз в 1936—1938 гг., специально занимаясь нганасанами. Таким образом, перед нами итог долголетней работы исследователя, зарекомендовавшего себя по другим своим трудам тщательностью и точностью своих описаний, особенно в области материальной культуры и техники остальных в прошлом народов северной Сибири.

Народы северной Сибири представляют большой интерес для этнографической науки. Вместе с тем изучены они далеко не достаточно. Список литературы, в которой в большей или меньшей степени затронуты вопросы этнографии нганасан, приведенный в редакционном предисловии, насчитывает всего 11 названий, из которых книга «Тавгийцы» принадлежит перу того же А. А. Попова, являясь результатом его предварительных наблюдений в 1930—1932 гг. Вся остальная литература о нганасанах или написана не специалистами и содержит только отдельные и не всегда проверенные факты и беглые наблюдения, или касается только отдельных вопросов, например, фольклора, родового состава, статистики и т. д.

Нганасаны представляют особенно большой интерес для этнографии даже по сравнению с другими народами северной Сибири. Достаточно сказать, что это самая северная народность СССР и, следовательно, всей Азии. Кроме того, до недавнего времени это была одна из самых остальных народностей Сибири. В их культуре имелись чрезвычайно архаичные пережитки, которые могли бы служить ценным источником для реконструкции ряда элементов первобытной культуры, особенно в арктической и субарктической зоне эйкумены. В нганасанах, как наиболее северном народе Сибири, скорее всего можно ожидать найти потомков самых древних обитателей северной Азии, хотя и ассимилированных более поздней по времени своего проникновения на север самоедской культурой, но тем не менее сохранивших ряд элементов своего древнего, доолeneводческого быта.

Книга А. А. Попова, помимо кратких редакционной статьи и предисловия автора, состоит из 7 глав: 1. Географическая среда. Историческая справка. Расселение. 2. Годовой хозяйственный цикл. Охота и рыболовство. 3. Оленеводство. Средства передвижения. 4. Орудия и процессы производства. 5. Жилище. Утварь. Стойбище. 6. Пища. 7. Одежда.

Уже этот перечень затронутых книгой А. А. Попова вопросов показывает, что она должна представлять всестороннее описание материальной культуры нганасан и, таким образом, заполнить тот пробел, который до сих пор существовал в этнографии. Действительно мы находим в рецензируемой книге массу фактов, ряд тщательных списаний производственных процессов, орудий труда, бытовых предметов и способов их употребления, ряд бытовых сцен по всем перечисленным выше вопросам. Весь изложенный в книге материал дополнен рисунками и зарисовками отдельных предметов (более 200, в том числе более 40 в красках), схемами, чертежами и фотографиями. Поэтому представление по основным затронутым автором темам получается достаточно полное. Книга А. А. Попова будет полезна и этнографам, занимающимся народами Сибири, и исследователям, работающим в области общих вопросов истории первобытной культуры или в области сравнительного анализа материальной культуры народов арктической и субарктической зон Азии, Европы и Америки.